

А. Островский

Бедность не порок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
А11

A11 **А. Островский**
Бедность не порок / А. Островский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 40 с.

ISBN 978-5-4241-3244-5

А. Н. Островский и по сей день является самым популярным русским драматургом. Его экранизируют, по его пьесам ставят спектакли.

Кажется, только появившись на свет, пьесы Островского обречены были стать русской классикой: настолько ярки и одновременно обобщены характеры его героев.

ISBN 978-5-4241-3244-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Островский, 2021

Александр Николаевич
Островский.
Бедность не порок

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гордей Карпыч Торцов, *богатый купец.*

Пелагея Егоровна, *его жена.*

Любовь Гордеевна, *их дочь.*

Любим Карпыч Торцов, *его брат, промотавшийся.*

Африкан Савич Коршунов, *фабрикант.*

Митя, *приказчик Торцова.*

Яша Гуслин, *племянник Торцова.*

Гриша Разлюляев, *молодой купчик, сын богатого отца.*

Анна Ивановна, *молодая вдова.*

Маша; Лиза, *подруги Любви Гордеевны.*

Егорушка, *мальчик, дальний родственник Торцова.*

Арина, *нянька Любви Гордеевны.*

Гости, гости, прислуга, ряженные и прочие.

Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время Святка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая приказчиья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Митя ходит взад и вперед по комнате; Егорушка сидит на табуретке и читает «Бову Королевича».

Егорушка*(читает)*. «Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибит Верзоулович, ныне идти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

Митя. Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка*(зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться)*.

Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. *(Читает.)* «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович...» *(Зажимает пальцем.)* Только такой сердитый, что беда! Я уж ушел – все ругается. *(Читает.)* «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитевна, призвав к себе слугу Личарду...»

Митя. На кого же он сердит?

Егорушка *(опять зажимает)*. На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел, да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покатился со смеху, а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернется. *(Читает.)* «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

Митя *(взглянув в окно)*. Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егорушка *(прячет сказку в карман)*. Побегать наверх. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Митя*(один)*. Эка тоска, Господи!... На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!... Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!... А тут еще... Ах, да ну! сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. *(Садится к конторке и задумывается, потом запевает.)*

Красоты ее не можно описать!...

Черны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идет от обедни, так это... ах!... Я так думаю, и не привидано такой красоты! *(Задумывается, потом поет.)*

Уж и где ж эта родилась красота...

Как же, пойдет тут работа на ум! Все бы я думал об ней!... Душу-то всю истерзал тосковавши. Ах ты, горе-гореваньце!... *(Закрывает лицо руками и сидит)*

молча.)

Входит Пелагея Егоровна, одетая по-зимнему, и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Митя, Митенька!

Митя. Что вам угодно?

Пелагея Егоровна. Зайди ужо вечером к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенку попоете.

Митя. Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

Пелагея Егоровна. Что тебе в конторе все сидеть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордея-то Карпыча дома не будет.

Митя. Хорошо-с, зайду беспрерывно.

Пелагея Егоровна. Уедет ведь опять... да, уедет туда, к этому, к своему-то... как его?...

Митя. К Африкану Савичу-с?

Пелагея Егоровна. Да, да! Вот навязался, прости Господи!

Митя (*подавая стул*). Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ох, некогда. Ну да уж присяду немножко. (*Садится*.) Так вот поди ж ты... этакая напасть! Право!... Подружились ведь так, что н~~о~~-поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич... да!

Митя. Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

Пелагея Егоровна. Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилектор — и пьют... да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гордость-то его одна чего стоит! Мне, говорит здесь не с кем компанию водить, всё, говорит, сволочь, всё, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки; а тот-то, видишь ты, московский, больше всё в Москве... и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То все-таки рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки так, что дай Бог всякому; а вот в прошлом году в отъезд ездил, да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали... все эти штуки-то перенял. Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!... Надень, говорит, чепчик!... Ведь что выдумает-то!... Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде... право... никогда, а теперь с этим с Африканом пьют! Спьяну-то, должно быть, у него (*показывая на голову*) и помутилось. (*Молчание.*) Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как-таки рассудку не иметь!... Ну, еще кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то ведь под шестьдесят, миленький, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русской-то наш обычай испокон веку живет! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере.

Митя. Что говорить! Строгий человек-с.

Пелагея Егоровна. Любочка теперь в настоящей поре, надобно ее пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни... нет да нет!... Ан вот есть!... А у него все

нет... А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя. Может быть, Гордей Карпыч хотя в Москве выдать Любовь Гордеевну.

Пелагея Егоровна. Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. *(Встает.)* Заходи, Митенька.

Митя. Приду-с.

Гуслин входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна. Вот и еще молодец! Приходи, Яшенька ужо к нам наверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин. Хорошо-с, это нам не в труд, а еще, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна. Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслин и Митя. Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу пригорюнившись;

Гуслин садится на кровать и берет гитару.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Митя и Яша Гуслин.

Гуслин. Что народу было на катанье!... И ваши были. Что ж ты не был?

Митя. Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслин. Что за тоска? Об чем тебе тужить-то?

Митя. Как же не тужить-то? Вдруг в голову взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, ее должен содержать, а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча все обида да брань, да все бедностью попрекает, точно я виноват... а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому-то месту и не пойду.

Гуслин. Отчего же не пойдешь? Вот у Разлюляевых жить хорошо – люди богатые и добрые.

Митя. Нет, Яша, не рука! Уж буду все терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслин. Отчего же так?

Митя *(встает)*. Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знает. Никому я про свое горе не рассказывал.

Гуслин. Скажи мне.

Митя *(махнув рукой)*. Зачем!

Гуслин. Да скажи, что за важность!

Митя. Говори не говори, ведь не поможешь!

Гуслин. А почему знать?

Митя *(подходит к Гуслину)*. Никто мне не поможет. Пропала моя голова! Полнобилась мне больно Любовь Гордеевна.

Гуслин. Что ты, Митя?! Да как же это?

Митя. Да вот как-никак, а уж сделалось.

Гуслин. Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому делу никогда не бывать, да и не роживаться.

Митя. Знавши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!...» *(Говорит с сильными жестами.)* «Полюбил я красну девицу, пуще роду, пуще племени!... Злые люди не велят, велят бросить, перестать!»

Гуслин. Да и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего, — да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберешь в голову, потом еще тяжелее будет.

Митя *(декламирует).*

Что на свете прежестoko? -

Прежестoka есть любовь!

(Ходит по комнате.) Яша, читал ты Кольцова? *(Останавливается.)*

Гуслин. Читал, а что?

Митя. Как он описывал все эти чувства!

Гуслин. В точности описывал.

Митя. Уж именно что в точности. *(Ходит по комнате.)* Яша!

Гуслин. Что?

Митя. Я сам песню сочинил.

Гуслин. Ты?

Митя. Да.

Гуслин. Давай голос подберем, да и будем петь.

Митя. Хорошо. На, вот. *(Отдает ему бумагу.)* А я попишу немного — дело есть: неравно Гордей Карпыч спросит. *(Садится и пишет.)*

Гуслин берет гитару и начинает подбирать голос;

Разлюляев входит с гармонией.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Разлюляев.

Разлюляев. Здравствуйте, братцы! *(Наигрывает на гармонии и приплясывает.)*

Гуслин. Эко дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Разлюляев. Известно на что - играть. Вот так... *(Играет.)*

Гуслин. Ну уж, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Разлюляев. Что ж, не брошу разве!... Коли захочу, так и брошу... Вот важность! Денег что ли у нас нет? *(Бьет себя по карману.)* Звенят. У нас гулять — так гулять! *(Бросает гармонию.)*

Одна гора высока,

А другая низка;

Одна мила далека,

А другая близко.

Митя *(ударяет Митю по плечу)*, а Митя! Что ты сидишь?

Митя. Дело есть. *(Продолжает заниматься.)*

Разлюляев. Митя, а Митя, а я гуляю, брат... право слово, гуляю. Ух, ходи!... *(Поет: «Одна гора высока» и проч.)* Митя, а Митя! весь праздник буду гулять, а там за дело... Право слово! Что ж, у нас денег что ли нет? Вот они!... А я не пьян... Нет, так гуляю... весело...

Митя. Ну гуляй на здоровье.

Разлюляев. А после праздника женюсь!... Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин (*Мите*). Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев. Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин(*поет*).

Нет-то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,
Тяжелей неволи.
Всем на свете праздничек,
Тебе не веселье!...
Буйной ли головушке
Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не заноба-девушка -
Горе кудри чешет.

Во все это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев. Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Так за сердце и хватит. (*Вздыхает.*) Эх, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть – нынче праздник. (*Поет.*)

Ух! Как гусара не любить!

Это не Годится!

Подыгрывай, Яша.

Гуслин подыгрывает.

Митя. Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полгоньку песенку споем.

Разлюляев. Ладно! (*Садятся.*)

Гуслин(*запевает; Митя и Разлюляев подтягивают*).

Размолодчики вы молоденькие,

Вы дружки мои...

Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. Что распелись! Горланят, точно мужичье! (*Мите.*) И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живешь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не было вперед! (*Походит к столу и рассматривает бумаги.*) Что бумаги-то разбросал!...

Митя. Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч (*берет книгу Кольцова и тетрадь со стихами*). А это еще что за глупости?

Митя. Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч. Какие нежности при нашей бедности!

Митя. Собственно, для образования своего занимаюсь, чтоб иметь понятие.

Гордей Карпыч. Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?... А еще туда же разговаривает! Ты бы вот сергучишко новенький сшил! Ведь к нам наверх ходишь, гости бывают... срам! Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы обр[е]зил прежде; матери-то не Бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пушай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собою приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет; образованием себя хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! *(Сквозь зубы и косясь на Митю.)* Дурак! *(Помолчав.)* Ты и не смей показываться в этом сергучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! *(К Разлюляеву.)* А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребает, а тебя в этакое зипунишке водит.

Разлюляев. Что ж такое! Он новый... сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублей аршин. Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; так его вон и дразнят все: страм пальто! Так что ж хорошего людей смешить!

Гордей Карпыч. Много ты знаешь! Да что, с тебя взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец-то твой не больно умен... целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещенными живете, дураками и умрете.

Разлюляев. Уж ладно.

Гордей Карпыч*(строго).* Что?

Разлюляев. Ладно, мол.

Гордей Карпыч. Неуч, и сказать-то путно умеешь! Говорить-то с вами – только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам, дуракам. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Торцова.

Разлюляев. Поди-кось, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Так вот тебя и испугались... Как же, держи карман-то!

Митя*(Гуслину).* Вот она жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев. Да от этакова житья – запьешь, право запьешь! А ты брось, не думай. *(Запевает.)*

Одна гора высока,

А другая низка;

Одна мила далека,

А другая близко.

Входят: Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна. Мир честной компании!

Разлюляев. Милости прошу к нашему шалашу.

Митя. Наше почтение-с! Милости просим!... Какими судьбами?...

Анна Ивановна. А никакими, просто – взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля... Гуляй – не хочу!...

Митя. Просим покорно садиться.

Садятся; Митя садится против Любви Гордеевны; Разлюляев ходит.

Анна Ивановна. Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать, – пойдемте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и люблю.

Любовь Гордеевна. Что ты выдумываешь-то! Мы не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна. Как же не так! Да ты первая... Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Разлюляев. Ха, ха, ха!... Это вы, Анна Ивановна, я точности говорите.

Любовь Гордеевна. Вот уж никогда!

Маша(Лизе). Ах, стыд какой!

Лиза. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем напротив.

Анна Ивановна. Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то... Сама была в девках, все знаю.

Любовь Гордеевна. Девушка девушке рознь.

Маша. Ах, стыд какой!

Лиза. Что вы говорите, это даже для нас очень странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляев. Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна. А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!... Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Разлюляев. Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна. Ты что рот-то разинул! Не об тебе, небось!

Разлюляев. Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть, кто и об нас думает. Мы знаем, мы знаем! *(Приплясывает.)*

Как гусара не любить!

Это не годится!

Анна Ивановна(подходит к Гуслину). Что же ты, бандурист, когда на мне женишься?

Гуслин(играя на гитаре). А вот когда от Гордея Карпыча разрешение выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. *(Кивает ей головой.)* Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна. Что ты говоришь!... Неужто!

Гуслин. Уж это верно так.

Анна Ивановна. Ну, так хорошо, молчи! *(Говорят шепотом.)*

Любовь Гордеевна. Ты, Митя, придешь к нам уже вечером?

Митя. Приду-с.

Разлюляев. И я приду. Я больно плясать горазд. *(Становится фертом.)* Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша. Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев. Что ж такое за важность! Я говорю – полюбите меня... да... за